УДК 811.351.3

ГЛАГОЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И ПУТИ РАЗВИТИЯ ПЕРФЕКТИВНЫХ ФОРМ*

Т.А. Майсак

Институт языкознания РАН (Москва)

В статье рассмотрена структура и семантика финитных форм прошедшего времени совершенного вида (перфектива) в языках лезгинской группы. Выделено три основных модели их образования: «деепричастие сов. вида + связка», «деепричастие сов. вида + вспомогательный глагол ‘находиться’», «причастие сов. вида + связка»; отдельно представлены синтетические формы, совпадающие с деепричастием или причастием. Предложены пути семантической эволюции данных моделей с точки зрения современной теории грамматикализации видо-временных категорий.

Ключевые слова: лезгинские языки, видо-временная система, совершенный вид, аорист, перфект, результатив, плюсквамперфект

The paper deals with the structure and semantics of finite perfective forms with past time reference in Lezgic languages. The three main periphrastic patterns have been identified: perfective converb + copula, perfective converb + auxiliary ‘to be inside’, perfective participle + copula; additionally, there are synthetic forms identical to a converb or participle. The paths of semantic evolution of the source models have been traced, following the grammaticalization typology in the tense and aspect domain.

Key words: Lezgic languages, tense and aspect systems, perfective, aorist, perfect, resultative, pluperfect

Памяти Михаила Егоровича Алексеева
(24.10.1949–23.05.2014)

Введение

В области грамматики общие черты нахско-дагестанских языков чрезвычайно многочисленны – при этом речь может идти далеко не только об этимологической близости показателей (восходящих к общему источнику), но и о сходствах на уровне грамматических структур и моделей, без материального тождества входящих в их состав компонентов. Наглядные примеры параллелей второго типа дают глагольные системы нахско-дагестанских языков. Не претендуя на полный охват имеющегося материала, в настоящей работе мы рассмотрим одну из важных частей видо-временной системы индикатива – финитные формы прошедшего времени совершенного вида (перфектива), – ограничившись данными по языкам лезгинской группы.

Согласно современной классификации, к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи относятся девять языков: *лезгинский*, *табасаранский*, *агульский* (восточная ветвь), *рутульский*, *цахурский* (западная ветвь), *крызский*, *будухский* (южная ветвь, географически целиком относящаяся к Азербайджану) и занимающие более периферийное положение *арчинский* (северо-западная периферия лезгинского ареала) и

* Автор благодарит участников конференции «Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи», прежде всего Н.М. Барахоеву, З.М. Маллаеву и Р.Г. Эльдарову, за обсуждение, а также В.С. Мальцеву за замечания к тексту статьи. Работа над темой выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00345.

удинский (крайняя южная точка лезгинского ареала, Азербайджан); ареально и структурно близкий к ним *хиналугский* язык, по всей видимости, в собственно лезгинскую группу не входит [1, 2, 3, 4]. Ниже мы постараемся учесть материал всех девяти языков группы, опираясь как на собственные данные, так и на опубликованные грамматические описания.

С точки зрения внутригенетической типологии глагольных систем лезгинские языки представляют особый интерес, поскольку значительная часть их глагольных форм (по крайней мере в рамках индикатива) представлена аналитическими конструкциями. Это могут быть как полноценные аналитические формы, сохраняющие двусоставную структуру «смысловой глагол + вспомогательный глагол», так и формы почти полностью морфологизованные и стянувшиеся, однако в любом случае позволяющие судить об исходной внутренней структуре, о лежащей в их основе глубинной грамматической модели.

Данная публикация продолжает серию статей автора, посвященных структуре и семантике видо-временных форм индикатива лезгинских языков. Как показано в работах [5, 6, 7], основная масса презентных и футуральных форм в этих языках также восходит к ограниченному числу исходных моделей. Поэтому представляется целесообразным предварить обзор перфективных форм кратким рассказом об общем устройстве лезгинских видо-временных систем.

1. Общее устройство лезгинских видо-временных систем индикатива

Ряд характерных особенностей образования лезгинских индикативных форм позволяет представить глагольные системы этих языков в достаточно четко структурированном виде. Прежде всего, едва ли не подавляющее большинство этих форм имеют исходную аналитическую структуру и состоят из нефинитной смысловой части (деепричастия, причастия либо инфинитива) и постпозитивного вспомогательного глагола. Смысловая часть выражает определенную аспектуальную либо модальную семантику, тогда как вспомогательный глагол маркирует временну́ю референцию ситуации. Так, например, в лезгинских формах перфекта *ацукьнава* ‘сидит’ (< *ацукь-на ава* «севши находится») и настоящего времени *рахазва* ‘говорит’ (< *раха-з ава* «говоря находится») деепричастие совершенного вида на *-на* указывает на результат процесса, деепричастие несовершенного вида на *-з* – на протекание процесса, а локативный вспомогательный глагол *ава* ‘имеется, находится’ связывает описываемую ситуацию с моментом речи.

Как известно, в языках лезгинской группы представлена словоизменительная категория вида, охватывающая все глагольные основы (или их подавляющее большинство) и представленная еще в пралезгинском [8][1]. Наиболее четко по аспектуальной семантике противопоставлены такие нефинитные формы, как причастия и деепричастия, которые входят и в состав аналитических форм. Таким образом, с точки зрения аспектуальной характеристики смысловой части мы можем выделить в рамках видо-временной системы две подсистемы – совершенного вида (или **перфектива**) и несовершенного вида (или **имперфектива**). Первая из лезгинских форм, приведенных выше в качестве примеров, относится к перфективной подсистеме (поскольку включает деепричастие совершенного вида *ацукьна*), вторая – к подсистеме имперфектива (включает деепричастие несовершенного вида *рахаз*, совпадающее с целевой формой).

[1] Противопоставление видовых основ отчасти стерто в современном лезгинском и удинском языках, однако и там оно проявляется в образовании форм нерегулярных глаголов: ср. различие основ совершенного и несовершенного видов в лезгинских деепричастиях *лагьа-на* ‘сказав’ vs. *лугьу-з* ‘говоря’ или удинских причастиях *гьар-и* ‘пришедший’ vs. *егъ-ала* ‘приходящий’ (в последнем случае представлены супплетивные основы).

Что касается вспомогательных глаголов, то основными из них в лезгинских языках являются именная связка (т.е. та единица, которая используются в предложениях идентификации и характеризации с именным сказуемым), а также локативный глагол ‘быть, находиться’, описывающий местоположение (типа лезгинского ава в примерах выше). Поскольку оба этих вспомогательных глагола относятся к стативным лексемам с редуцированной словоизменительной парадигмой, они, как правило, имеют лишь две формы времени – настоящее и прошедшее. Соответственно наряду с подсистемами перфектива/имперфектива среди аналитических видо-временных форм можно выделить и две подсистемы по другому основанию – «**план настоящего**» (формы, включающие вспомогательный глагол в форме настоящего времени) либо «**план прошедшего**» (формы, включающие вспомогательный глагол в прошедшем времени). Так, например, обе приведенные выше формы *ацукьнава* ‘сидит’ и *рахазва* ‘говорит’ относятся к плану настоящего времени; их эквивалентами в плане прошлого будут соответственно формы предпрошедшего времени, или плюсквамперфекта, *ацукьнава-й* ‘сидел’ (< *ацукь-на ава-й* «севши находился») и прошедшего длительного, или имперфекта, *рахазвай* ‘говорил’ (< *раха-з ава-й* «говоря находился»). По сравнению с формами плана настоящего, у форм плана прошедшего меняется временная референция, однако аспектуальная семантика – соответственно перфективная или имперфективная – сохраняется.

Здесь надо сделать небольшое уточнение, состоящее в том, что противопоставление плана настоящего / плана прошедшего (по форме вспомогательного глагола) не тождественно семантическому противопоставлению форм настоящего / прошедшего времени. В действительности среди форм с вспомогательным глаголом в настоящем времени (типа «делая есть», «сделав есть», «чтобы-делать есть» и т.п.) встречаются как формы со временной референцией к настоящему, так и формы со временной референцией к прошлому и к будущему, что связано с семантическим развитием исходных аналитических структур. Так, например, будущее время, образованное по модели «инфинитив + связка настоящего времени», формально относится к плану настоящего времени, хотя значение всей конструкции в целом – футуральное, ср. агульское *акьас-е* ‘сделает’ (< *акьас* + *э*) или рутульское *кихьис-и* ‘напишет’ (< *кихьис* + *и*) [9]. О формах прошедшего времени, относящихся к плану настоящего, будет сказано ниже.

Таким образом, в целом систему видо-временных форм индикатива можно представить в виде наложения друг на друга двух независимых подсистем – перфектива и имперфектива, с одной стороны, и плана настоящего и плана прошедшего, с другой. В Таблице 1 на примере форм от деепричастий суммированы основные модели образования форм, а также указаны (в виде грамматических ярлыков) наиболее типичные результирующие значения. К типичным имперфективным формам плана настоящего относится собственно настоящее время (презенс), настоящее общее (хабитуалис), а нередко и будущее время; к формам несовершенного вида плана прошедшего – прошедшее длительное (имперфект) и хабитуалис в прошлом (подробнее о таких формах см. [10, 11]). В дальнейшей части работы в центре нашего внимания будут перфективные формы – известные в международной терминологии как *аористы* (или *претериты*), *перфекты*, *плюсквамперфекты*, *результативы*, и имеющие в русскоязычных работах множество эквивалентных двухчастных названий (*прошедшее совершенное*, *прошедшее определенное*, *прошедшее неопределенное*, *преждепрошедшее*, *давнопрошедшее* и т.п.).

Таблица 1. Структура и типичные значения финитных форм от деепричастий

Вспом. глагол	Подсистема СВ	Подсистема НСВ
связка (*наст. вр.*)	*аористы*, *перфекты* («сделав есть»)	*презенсы*, *хабитуалисы* («делая есть»)
связка (*прош. вр.*)	*плюсквамперфекты* («сделав был»)	*имперфекты*, *хабитуалисы* («делая был»)
‘находиться’ (*наст. вр.*)	*перфекты*, *результативы* («сделав находится»)	*презенсы* («делая находится»)
‘находиться’ (*прош. вр.*)	*плюсквамперфекты* («сделав находился»)	*имперфекты* («делая находился»)

Помимо аналитических, в системе индикатива представлены и синтетические (аффиксальные) финитные формы. Среди них могут отмечаться и такие формы, которые исходно имели аналитическую структуру, однако были морфологизованы (вспомогательный глагол утратил автономность и полностью слился со смысловым, став суффиксом): примером подобного развития может быть агульский аорист типа *ади-не* (< **ади-на э*), о котором пойдет речь ниже. Однако среди синтетических форм индикатива есть и еще одна важная группа – это те формы, которые не различаются в независимом, финитном употреблении (они могут быть главным сказуемым независимого предложения) и в зависимом, нефинитном (в этом случае они используются в придаточном предложении в функции деепричастий, причастий, целевой формы и пр.). Так, например, в лезгинском языке деепричастие совершенного вида на *-на* совпадает с аористом – финитной формой «прошедшего определенного»: ср. *фе-на* ‘пойдя’ или ‘пошел’, *лагьа-на* ‘сказав’ или ‘сказал’ и т.п. (см также раздел 5 ниже). В цахурском инфинитив (или «потенциалис») на *-с* без вспомогательного глагола или какого-либо другого дополнительного элемента используется и как основная форма будущего времени, ср. *хъалес* ‘(чтобы) прийти’ или ‘придет’, *ивгьес* ‘(чтобы) сказать’ или ‘скажет’ и т.п. [12, 13]. Каков в точности тот путь развития, который привел к появлению данного синкретизма (использование одной и той же формы в различных синтаксических контекстах), понятно далеко не всегда – в случае лезгинских языков для установления диахронического сценария мы почти не можем опираться на письменные памятники за их отсутствием. Некоторые возможные варианты развития будут упомянуты ниже в разделе 3.

Далее мы рассматриваем модели перфективных форм в следующем порядке (в целом соответствующем их распространенности): «деепричастие совершенного вида + связка», «деепричастие совершенного вида + глагол ‘находиться’», «причастие совершенного вида + связка», а в отдельном разделе – формы, совпадающие с деепричастием или причастием совершенного вида.

2. Модель «Деепричастие совершенного вида + связка»

Модель, включающая деепричастие совершенного вида и вспомогательный глагол-связку настоящего времени, относится к наиболее распространенным в лезгинских языках (как и нахско-дагестанских языках в целом). Ее можно считать и одной из наиболее старых – судя по тому, что восходящие к этой модели формы неоднородны по значению, они находятся на разных стадиях семантической эволюции, что говорит о длительном периоде существования конструкции в большинстве языков. Различаются формы данной структуры и с точки зрения степени морфологизации.

Первую группу форм, состоящих из деепричастия и связки, составляют **аористы**, т.е. перфективные формы прошедшего времени, наиболее общие по значению и

одновременно, как правило, наиболее частотные, поскольку именно они используются в повествовательных текстах (нарративах) при передаче последовательности событий.

В агульских диалектах аорист образован от деепричастия на *-на* и имеет показатели *-не*, *-ни*, *-нав*, вариативность которых связана с вариативностью формы именной связки (*э*, *и*, *ву*). Ср., например, форму аориста глагола ‘приходить’ в хпюкском говоре (южная часть агульского ареала) *ади-не* ‘пришел’ < **ади-на э* «придя есть» и в буршагском говоре (кошанский диалект на северо-востоке агульского ареала) *арги-нав* ‘пришел’ < **арги-на ву* «придя есть». Эта форма является полностью морфологизованной, и на ее исходную аналитическую структуру указывают главным образом сравнительные диалектные данные, а также образование отрицательного варианта, в состав которого входит отрицательная форма связки. Ср. отрицательный хпюкский аорист *адиндава* ‘не пришел’ < **ади-на дава* или буршагский *аргинда* ‘не пришел’ < **арги-на да*, также морфологизованные. Об образовании агульской формы по диалектам см. также [14, 15, 16, 17, 18]; подробнее о семантике формы в хпюкском говоре см. [19, 20].

Аналогично синтетическим на синхронном уровне является аорист на *-ну* в табасаранском литературном языке, ср. *гъапну* ‘сказал’, *гъафну* ‘пришел’, *гъадабгъну* ‘купил’ и пр. Более того, он совпадает с одной из форм деепричастия совершенного вида на *-ну*, что может поставить под сомнение правомерность учета данной формы среди реализаций исходной аналитической модели[2]. Однако, как кажется, есть основания считать аорист именно аналитическим по происхождению. Во-первых, исследователи связывают исходную структуру аориста[3] с деепричастием на *-ун* (один из вариантов деепричастного суффикса) в сочетании со связкой *ву*, ср. *ахъну* ‘упал’ < **ахъун ву* «упав есть» [22]; стяжение *-ун ву* > *-ну* представляется вполне правдоподобным. Во-вторых, отрицание данной формы образуется по аналитической модели, при помощи отрицательной постпозитивной связки *-дар*: ср. *дахъун-дар* ‘не лежит’ < «лежа не есть». Наконец, в некоторых диалектах исходная структура аориста проявляется более явно, поскольку связка не «растворяется» полностью в показателе деепричастия: ср. дюбекское *апI-нув* ‘сделал’ < *апI-ну ву* «сделав есть» [23].

Можно предполагать, что та же структура лежала и в основе лезгинской синтетической формы аориста на *-на*, хотя в современном языке трудно заметить следы аналитического происхождения этой формы. Поскольку она совпадает с деепричастием совершенного вида на *-на*, рассмотрена эта форма будет в разделе 5 ниже.

Аорист, восходящий к рассматриваемой модели, зафиксирован также в рутульском языке, ср. *кихьир-и* ‘написал’ < *кихьир и* «написав есть» [24, 25]. Заметим, что по диалектам имеется тенденция к редукции связки в составе данной формы, ср. пример на форму аориста *гьāсы йыгъхьы латIур* ‘так и день кончился’ [26]. В очерках М.Е. Алексеева отмечается, что в лучекском говоре связка настоящего времени в составе аналитических форм аориста, презенса и будущего времени может опускаться, ср. *сатыр и* // *сатыр* ‘он ушел’ [27, 28].

Формы второй группы по значению представляют собой не аористы, а **перфекты** либо **перфекты / результативы**[4]; аористы в соответствующих языках образуются иначе. Так, в арчинском языке аорист совпадает с перфективной («терминативной»)

---

[2] Синкретизм финитной и нефинитной формы является неполным – они различаются ударением (у деепричастия ударение приходится на начальный слог основы, у финитной формы – на второй), а также выбором перфективирующего префикса (*д-* у нефинитной формы, *гъ-* у финитной). Впрочем, разницу как в ударении, так и в выборе префикса следует скорее считать диахронически вторичными явлением [21].

[3] В терминологии С.Х. Шихалиевой, перфекта.

[4] Под перфектом мы понимаем форму, обозначающую ситуацию в прошлом, сохраняющую актуальность в момент речи; результатив описывает текущее состояние, возникшее как результат действия в прошлом (общий обзор данной семантической зоны см., в частности, в [29]).

основой, а перфект имеет аналитическую структуру «деепричастие на *-ли* + связка *и*», выражая значение ‘V завершено и в момент речи имеется его результат’ [30], ср. *къов-ди-ли ди* ‘сидит’ («севши есть», I класс), *ебтIни-ли би* ‘привязан’ («привязав есть», III класс) и т.п. В цахурском аорист совпадает с основой перфектива, которая выступает и в роли деепричастия (см. раздел 5), а форма, включающая данное деепричастие и связку *во-* (с классным показателем), имеет значение перфекта или результатива [31, 32]: ср. *хъары вор* ‘пришел (и сейчас здесь)’ («придя есть», I класс), *гивъур-об* ‘сидит’ («севши есть», III класс)[5].

В крызском языке аорист восходит к субстантивированному причастию (он будет рассмотрен в разделе 5), а перфект на *-джа* / *-джу* / *-джаб* исходно состоит из деепричастия предшествования на *-джи* и редуцированной связки *я* (с суффиксальным классным согласованием) [33]: ср. *йихь-джа* ‘пошел’ < *йихь-джи я* «пойдя есть», *аскьва-джа* ‘сидит’ < *аскьва-джи я* «сев есть» и пр. Эта форма полностью морфологизована, однако в качестве особого «результативного перфекта» в языке функционирует и нестяженная форма, чаще всего используемая для выражения состояния пациенса: ср. *гъайцIаджи-я* ‘разлит’ < *гъайцIа-джи я* «разлив есть» [34]. Сосуществование в одном языке двух форм, образованных по одной и той же модели, однако не тождественных по значению, может иметь различное объяснение. Так, не исключено, что вторая, «полная», форма сочетания деепричастия и связки является более недавней калькой с одной из азербайджанских форм перфекта, от причастия на *-миш* или деепричастия на *-иб* (Ж. Отье, личное сообщение), ср. *јаз-мыш-дыр* / *јаз-ыб-дыр* ‘он (уже) написал’. В этой связи интересно, что крызская форма на *-джи* может использоваться и как причастие, хотя это употребление для нее периферийно[6].

Как видно по приведенным примерам, результативное значение особенно ярко проявляется при сочетании с глаголами типа ‘садиться’, ‘ложиться’, ‘останавливаться’, поскольку формы перфекта/результатива от этих лексем имеют именно значение состояния (‘сидит’, ‘лежит’, ‘стоит’), а не точечного действия в прошлом (‘сел’, ‘лег’, ‘остановился’).

Исходя из данных типологии видо-временных категорий, можно предполагать, что формы разных лезгинских языков, совпадающие по исходной структуре («деепричастие совершенного вида + связка настоящего времени»), находятся на разных этапах грамматикализации на известной диахронической шкале «результатив > перфект > аорист» [37, 38]. Вхождение в состав таких форм вспомогательного глагола в настоящем времени говорит о том, что исходно в значении формы имелся компонент связи с моментом речи – либо наличие в момент речи результирующего состояния (собственно результатив), либо релевантность прошедшей ситуации для этого момента (перфект). Дальнейшая эволюция форм данного типа в аористы является уже более поздним этапом развития, связанным с утратой компонента актуальности ситуации в момент речи.

Выше речь шла только о формах соответствующей модели, относящихся к «плану настоящего». Что касается форм «плана прошедшего», включающих деепричастие совершенного вида и связку прошедшего времени, то они имеют сходное значение, сопровождаемое «сдвигом» временной референции еще дальше назад в прошлое. Как правило, речь идет о значении **плюсквамперфекта** (или «предпрошедшего») или какой-то разновидности «давнопрошедшего» либо «неактуального» прошлого. К плюсквамперфектному значению тяготеют формы, которые в плане настоящего выражают перфект / результатив. Так, А. Е. Кибрик характеризует значение арчинской

[5] После согласной связка *во-* теряет начальный сонант /в/.

[6] В будухском языке форма аориста также имеет показатель *-джи* [35, 36], однако поскольку форма на *-джи* в качестве деепричастия или причастия не функционирует, трудно судить о том, какова в точности была исходная структура аориста.

конструкции «деепричастие на *-ли* + связка *еди*» как ‘V завершено и до момента речи имелся результат этого V’ [39], ср. *ув-ли еди* ‘(когда-то, раньше) сделал’ («сделав был», IV класс), *усди-ли евди* ‘стоял’ («остановившись был», I класс) и т.п. Напротив, значение неактуального прошлого свойственно тем формам, которые в плане настоящего имеют значение аориста: ср. агульскую (хпюкский говор) форму типа *ушу-ний* ‘поехал, съездил (когда-то)’ < **ушу-на ий* «пойдя был», выражающую «неактуальную (на момент речи) ситуацию, имеющую определенную локализацию во времени» [40], причем собственно актуальность определяется «не объективной степенью удаленности события от момента речи, а субъективной оценкой говорящим события как связанного или нет с тем временным отрезком, в котором он живет в данное время» [41]. В табасаранском языке аналогичная форма на *-нийи* обозначает события в удаленном прошлом, не засвидетельствованные лично говорящим [42].

За пределами нашего рассмотрения пока остался удинский язык, в котором представлена особая ситуация: поскольку именной связки в современном языке нет[7], а бытийный / локативный глагол *бу* не образует аналитических форм, говорить о наличии структур с деепричастием и вспомогательным глаголом можно лишь в диахронической перспективе и сугубо гипотетически. Удинские синтетические формы аориста и перфекта будут рассмотрены ниже в разделах 4 и 5.

В других нахско-дагестанских языках рассматриваемая модель также широко распространена; приведем лишь несколько примеров. В языках даргинской группы форма перфекта образуется от деепричастия совершенного вида в сочетании с предикативными показателями (в 3-м лице – вспомогательным глаголом настоящего времени) [43]. В аварском форма перфекта (прошедшего неочевидного) состоит из деепричастия предшествования на *-ун* и настоящего времени вспомогательного глагола-связки *буго* и выражает «совершенное в прошлом действие, результат которого наличествует в настоящем» [44], а также имеет значение заглазности («говорящий не был очевидцем события») [45] и результатива; подробнее см. [46]. Ингушская синтетическая форма, восходящая к сочетанию деепричастия предшествования[8] и настоящего времени вспомогательного глагола-связки *да* (который занимает промежуточное положение между клитикой и аффиксом), также имеет значение перфекта и заглазного прошедшего [47, 48].

3. Модель «Деепричастие совершенного вида + глагол ‘находиться’»

Об отдельной модели, включающей деепричастие совершенного вида и бытийный / локативный глагол, можно говорить лишь применительно к нескольким языкам, в которых эта модель отличается от предыдущей (с именной связкой). Дело в том, что в ряде лезгинских языков в предложениях с именным сказуемым, с одной стороны, и в бытийных предложениях, с другой, используется одна и та же единица. Так, например, арчинская связка *и* или цахурская *во-* употребляются как в предложениях характеризации и идентификации, так и в экзистенциальных предложениях разных типов (в т.ч. локативных и посессивных). В каких-то языках – как, например, удинском (см. выше), – именная связка и бытийный глагол не тождественны, однако аналитических форм с бытийным глаголом нет. Наконец, в четырех языках – трех восточнолезгинских и ареально примыкающем к ним рутульском – имеются аналитические формы от деепричастия как с использованием связки, так и с использованием бытийного глагола. Во всех этих

[7] Роль предикативного элемента в неглагольных предложениях выполняют лично-числовые клитики, ср. *Алим-зу* ‘Я ученый’, *Моно килим-е. Килим кала-не* ‘Это палас. Палас большой’, где использованы соответственно показатели 1-го л. ед.ч. *-зу* и 3-го л. ед.ч. *-е* / *-не*.

[8] По мнению Н.М. Барахоевой, более корректно говорить о «причастно-деепричастной» форме совершенного вида, в традиционной ингушской грамматике именуемой просто деепричастием.

языках бытийный глагол имеет значение ‘быть, находиться (внутри)’ и входит в ряд однокоренных стативных лексем с локативными префиксами, ср. агульское (хпюкское) *а* / *аа* / *ая* ‘находиться внутри’, *хъаа* / *хъая* ‘находиться сзади’, *фаа* / *фая* ‘находиться рядом’, *алдеа* / *алдея* ‘находиться сверху’ и др., или лезгинское *ава* ‘находиться внутри’, *ква* ‘находиться под’, *гала* ‘находиться сзади’, *ала* ‘находиться сверху’ и др.

По значению формы «локативной» модели достаточно единообразны – в отличие от форм аориста со связкой в соответствующих языках, все они связаны с диахронически более «ранним» **результативным** значением, переходящим в **перфект**. Так, лезгинская форма состоит из деепричастия на *-на* и глагола *ава* в настоящем времени и выражает как собственно результативное значение, так и перфектное значение текущей релевантности, а также иммедиатное значение (‘только что’) [49, 50], ср. *ацукьнава* ‘сидит’ < *ацукь-на ава* («севши находится»), *ксанва* ‘спит’ < *кса-на ава* («уснувши находится»), *телеграмма атанва!* ‘пришла телеграмма!’ < *ата-на ава* («пришедши находится») и пр. Аналогично значение табасаранской формы, восходящей к сочетанию деепричастия на *-ну* и глагола *ъа*, ср. *дапIна* ‘сделал’ (< *дапI-ну ъа* «сделав находится»), *китаб дурхна* ‘книга прочитана’ (< *дурх-ну ъа* «прочитав находится») [51], ср. также [52]. Рутульская форма описывает «протекание действия из области прошедшего времени до момента речи, т. е. охватывает временной отрезок и прошедшего и настоящего времени до момента, о котором идет речь» [53, 54], ср. *луркур ъа* ‘лежит’ («легши находится»), *суркьур ъа* ‘сидит’ («сев находится»), *вышди йиркьыр ъа* ‘кто-то пришел’ («придя находится») и пр.

Будучи противопоставленными аористу как более общему по значению прошедшему времени совершенного вида, лезгинские «локативные» перфекты / результативы, по крайней мере в части языков, проявляют тенденцию к дальнейшему развитию в заглазное прошедшее (используемое при повествовании о событиях, свидетелем которых не был говорящий). Такое развитие хорошо видно на примере агульского языка, где аорист в отношении категории эвиденциальности нейтрален, а перфект / результатив используется именно в ситуации, когда о событии известно с чужих слов или же когда вывод о ситуации в прошлом можно сделать на основании косвенных признаков. Именно поэтому в нарративах легендарного или сказочного характера в агульском языке фигурирует, как правило, не аорист, а формы типа *адиная* ‘пришел’ < *ади-на ая* «придя находится» (хпюкский говор) [55, 56], ср. также [57]. Собственно результативное, как и общее перфектное значение, агульская форма также сохраняет, ср. *гъархьуная* ‘лежит, спит’ < *гъархьу-на ая* («легши находится»). Сам по себе путь развития «результатив > перфект > заглазное прошедшее» хорошо известен в типологии видовременных категорий [58, 59, 60]; он является альтернативным по отношению к эволюции перфектов в аористы, и, как мы видим, в некоторых лезгинских языках два этих пути распределены по структурно близким моделям аналитических форм, различающимся вспомогательным глаголом.

Восходящие к данной модели формы плана прошедшего («деепричастие совершенного вида + локативный глагол прошедшего времени») имеют значение **плюсквамперфекта** или результатива в прошлом, описывая ситуацию, осуществленную до точки отсчета в прошлом. Ср., например, табасаранское *китаб дурхнайза* ‘(когда ты пришел), книга мною была прочитана’ < *дурх-на ъайи* «прочитав находился» (1 л. ед.ч.) [61] или лезгинское *аялар гьеле къарагънавачир* ‘дети еще не встали’ < *къарагъ-на авачир* «встав не находились» [62].

Что касается параллелей рассматриваемой модели за пределами лезгинской группы, в первую очередь стоит отметить аналогичные по структуре аналитические хиналугские формы с бытийными глаголами *атмаь* ‘находиться’, *омаь* ‘быть вверху’, *томаь* ‘быть на уровне ориентира’, *къомаь* ‘быть внизу’, различающимися локативны-

ми значениями [63][9]. Формы типа *куетмаь* ‘сделал’ < *куи атмаь* «сделав находится», образуемые от основы «результативного» вида, К.Р. Керимов квалифицирует как перфект, а соответствующую форму в плане прошедшего – как плюсквамперфект, ср. *гьини китамзыр ттуваьтмаь* ‘он книги купил’ < *ттуви атмаь* «купив находится», *хуьраьг хьешаьмаь* ‘(когда я пришел,) обед был готов’ < *хьи аьшаьмаь* «сварившись находился» [65].

4. Модель «Причастие совершенного вида + связка»

Модель с перфективным причастием и связкой занимает более периферийное положение среди источников форм прошедшего времени в лезгинских языках. В некоторых языках наличие исходного сочетания с причастием можно лишь предполагать в силу значительной морфологизации формы.

Примером языка с наиболее активным использованием причастий в видо-временной системе является агульский, в котором самих причастий довольно много (например, в хпюкском говоре – семь), и часть из них используется в аналитических формах; см. подробнее [66]. Так, от субстантивированного перфективного причастия типа *ади-ф* ‘пришедший’ в сочетании со связкой настоящего времени э образуется форма с эксперентивным значением (‘субъект по меньшей мере однажды участвовал в ситуации данного типа’), ср. *ме китаб зун рухуфе* ‘эту книгу я читал’ [67]; как специализированный эксперентив данная форма рассмотрена в типологической работе [68, 69]. Имеется также форма, по значению близкая перфекту / результативу, ср. *адинаефе* ‘пришел’: на поверхностном уровне она образована от перфектного / результативного причастия типа *адинаеф* и связки э, однако, скорее всего, исходная аналитическая конструкция имела другой вид – деепричастие совершенного вида (ср. *ади-на*) и вспомогательный глагол ‘находиться’ в форме *аефе* (< субстантивированное причастие *ае-ф* и связка э). В таком случае форму типа *адинаефе* следует относить к другой, более сложной модели «деепричастие + причастие вспомогательного глагола + связка»[10].

В рутульском языке, где тоже представлена богатая система прошедших времен, выделяется «давнопрошедшее неопределенное результативное», образуемое при помощи связки настоящего времени *йии* от причастия совершенного вида, ср. *за гьанийс кагъат кихьид йии* ‘я ему письмо написал’ (букв. написавший есть) [72, 73]; значение формы нуждается в дальнейшем исследовании.

Менее ясна ситуация в литературном лезгинском языке. К перфективному причастию на *-р* или *-йи*/*-й* восходит форма претерита, которую М. Хаспельмат (наряду с будущим временем на *-ди*) относит к «архаическим», т.е. малоупотребительным в современном языке: ср. *авур-а* ‘сделал’ < *авур* ‘сделавший’, *хьая* /*хьай-а*/ ‘был, стал’ < *хьайи* ‘ставший’, *фея* /*фей-а*/ ‘пошел’ < *фейи* ‘ушедший’ и пр. [74, 75]. Суффикс *-а* в составе данной формы, по всей видимости, родствен именной связке *я*. Согласно описанию П.К. Услара, опубликованному в конце XIX в., эта форма нередко взаимозаменима с формой на *-на*, однако прежде всего «употребляется там, где несколько предложений находятся в связи одно с другим» и «обозначает нечто неожиданное, о чем собственно следует рассказ» [76].

В будухском языке форма перфекта на *-иви*, выделяемая в очерке [77], судя по всему, образуется от перфективного причастия и связки *ви*, ср. приводимые М.Е. Алексеевым примеры *агъайе лехIкидже чIилитI окьули-ви* ‘множество птиц уселось на дерево’, *аныр миткериз питин шей хIазыр сиъири-ви* ‘он все приготовил для свадьбы’.

---

[9] Бытийные глаголы образуются от связки при помощи локативных префиксальных элементов (форма настоящего времени связки *маь*, прошедшего времени *шаьмаь*) [64].

[10] Данная модель представлена также, например, в рутульском языке, ср. форму «давнопрошедшего конкретного результативного» *кихьир ъад йииъи* (от глагола *кихьис* ‘написать’) [70, 71].

Наконец, не исключено, что к сочетанию причастия и связки восходит форма удинского перфекта, в современном языке имеющая суффикс *-е* (и образуемая от перфективной основы), ср. *гьар-е* ‘пришел’, *карх-е* ‘жил’, *п-е* ‘сказал’ и пр. Перфект в рамках системы прошедших времен противопоставлен аористу на *-и*, совпадающему с причастием / деепричастием, см. о нем в следующем разделе. Если не постулировать для двух форм одной и той же исходной структуры, то перфект имеет смысл возводить именно к сочетанию с причастием и связкой (отсутствующей в современном языке). В пользу этого решения говорит, в частности, наличие у перфекта особой отрицательной конструкции с постпозитивным отрицанием (тогда как в норме оно в удинском языке препозитивно), ср. *гьари тене* ‘не пришел, не приходил’. Единственное глагольное время, у которого отмечена аналогичная отрицательная структура, – будущее время, ср. *егъале* ‘придет’ ~ *егъала тене* ‘не придет’, причем *егъала* в данном случае может быть только причастием несовершеного вида (в подсистеме имперфектива причастие и деепричастие не совпадают). Этот параллелизм позволяет предположить, что и отрицательный перфект отражает именно исходную причастную структуру с постпозитивным вспомогательным глаголом; подробнее см. [78].

Как и формы, образованные по ранее рассмотренным моделям, формы от причастия и связки в норме имеют эквиваленты в плане прошлого, в которых ситуация перемещена в более удаленный или неактуальный временной период: так, агульская форма типа *адиф-ий* ‘приходил (когда-то)’ < *ади-ф ий* «пришедший был» выражает неактуальный экспериентив, а удинская форма типа *гьаре-й* ‘пришел (к тому времени), приходил’ функционирует как плюсквамперфект. Лезгинский «архаический» претерит, однако, эквивалента в плане прошлого не имеет.

Из параллелей рассматриваемой модели за пределами лезгинской группы отметим результативную форму в литературном даргинском языке, состоящую из перфективного причастия в сочетании с лично-числовыми показателями (в 3-м лице – со связкой настоящего времени) [79, 80]. В тантынском же даргинском полное причастие с суффиксом *-се* в сочетании со связкой выражает экспериентивное значение [81].

5. Формы, совпадающие с деепричастием или причастием совершенного вида

Ситуация, при которой определенная глагольная форма не ограничена одним синтаксическим контекстом (главным или зависимым предложением), но может выступать как в независимой, так и в зависимой клаузе, хорошо известна в типологии и изучалась в том числе и на материале кавказских языков (см. в первую очередь монографию [82]). Нас в данном случае интересуют те формы прошедшего времени лезгинских языков, которые тождественны деепричастию или причастию совершенного вида.

Типичный пример такого рода мы находим в лезгинском языке: как уже упоминалось выше, аорист или «прошедшее определенное» на *-на* совпадает с перфективным деепричастием. Так, в следующем примере форма *фе-на* глагола ‘идти, уходить’ используется в придаточном предложении со значением предшествования: *Фена тамай кIарашар гъваш* ‘Пойди и принеси из леса дрова’ (букв. пойдя, принеси), а в следующем выступает в роли сказуемого главной клаузы: *Ам накь нисинихъ вацIал фена* ‘Вчера днем он ушел к реке’ [83]. Отрицательные варианты различаются: как и другие финитные формы, аорист образует отрицание при помощи суффикса, а деепричастие, подобно прочим нефинитным формам, – при помощи префикса: ср. *фена-ч* ‘не пошел’ vs. *те-фена* ‘не пойдя’. Учитывая, что в близкородственных агульском и табасаранском языках аористы восходят к сочетанию деепричастия со связкой настоящего времени, сходный сценарий можно предполагать и для лезгинской формы, если постулировать

отпадение безударной связки *я* или ее слияние с суффиксом деепричастия (например, *фена* < **фена-а* < **фе-на я*)[11].

В удинском языке, где большинство финитных форм совпадает с какими-либо нефинитными, аорист тождествен причастию/деепричастию совершенного вида, ср. *гьари* ‘пришел’ / ‘прийдя’ / ‘пришедший’, *аьшпIи* ‘поработал’ / ‘поработав’ / ‘поработавший’ и пр. [85, 86]. Противопоставление между ними проводится на уровне предложения в целом: во-первых, в финитных и нефинитных клаузах различаются показатели отрицания, а, во-вторых, в финитных клаузах обязательно использование согласовательных лично-числовых клитик: ср. *зу аьшпIи очъал* ‘земля, на которой я работал’ (букв. я работавший земля; личной клитики нет), *аьшпIи таце-не* ‘поработав, он ушел’ (клитика 3-го л. ед.ч. *-не* есть только на главном сказуемом ‘ушел’, но не на зависимом деепричастии), *геле-не аьшпIи* / *геле аьш-е-би* ‘он много поработал’ (клитика 3-го л. ед.ч. *-е* обязательна и расположена либо на наречии ‘много’, либо внутри глагольной формы ‘поработал’). По аналогии с другими лезгинскими языками в качестве исходной здесь также можно предполагать аналитическую структуру «деепричастие + связка», однако верификация этой гипотезы на основе одних только внутриязыковых удинских данных затруднительна[12].

В арчинском имеется иная ситуация: аористу, совпадающему с основой перфектива («терминатива»), противопоставлен заглазный аорист, или «прошедшее повествовательное», на *-ли*, совпадающее с перфективным деепричастием, ср. *абху* ‘лег, III кл.’ vs. *абху-ли* ‘легши’ или ‘лег (как оказалось)’, см. [88, 89]. Хотя А.Е. Кибрик описывает *-ли* как особый показатель заглазности, более аргументированный анализ предлагает С.Г. Татевосов: по его мнению, формы типа *абхули* являются деепричастиями, восходящими к аналитической форме перфекта/результатива со связкой; семантическая эволюция данной формы полностью укладывается в известную шкалу «результатив > перфект > заглазное прошедшее» [90]. Таким образом, в арчинском языке, как и в крызском, представлены две различающиеся по значению формы, восходящие при этом к одной и той же модели: полная форма «деепричастие + связка» является результативом (см. раздел 2 выше), а форма, редуцированная до деепричастия, демонстрируя дальнейшее развитие, превратилась в заглазное прошедшее время.

Наиболее необычна, и вместе с тем по-своему последовательна, система основных финитных форм в цахурском языке: настоящее, прошедшее и будущее время совпадают с деепричастиями либо причастиями имперфектива, перфектива и инфинитивом («потенциалисом») соответственно. При этом формы, выступающие в функции причастий, образуются при помощи показателей зависимости, известных как «атрибутивы». Так, например, простой, неатрибутивный аорист глагола ‘приходить’ имеет вид *хъары* ‘пришел, I кл.’ (= перфективное деепричастие), а атрибутивный – *хъары-на* ‘пришел, I кл.’ (= перфективное причастие). Видо-временная семантика двух вариантов одинакова, хотя предложения с атрибутивными и неатрибутивными формами различаются с точки зрения информационного членения [91].

В цахурском языке, таким образом, реализуются обе разновидности рассматриваемой модели: совпадение финитной формы как с деепричастием, так и с (отличным от него) причастием. В некоторых языках представлен еще один случай – а именно, в

[11] Аналогично, обсуждая функционирование лезгинского деепричастия на *-на* в предикативной функции, М.Е. Алексеев отмечает, что «употребление... самостоятельного деепричастия в качестве сказуемого следует, видимо, увязывать с утратой вспомогательного глагола в первоначально составном сказуемом (например, *къачуна* < **къачуна йа*)» [84].

[12] Синкретизм нефинитной формы («participle») и основного прошедшего времени отмечается еще в языке кавказско-албанских палимпсестов (приблизительно VII–X в. н.э.), где показателем соответствующей формы является *-j* / *-i* [87].

роли финитной формы выступает субстантивированное перфективное причастие без связки. Так, аорист в крызском языке имеет именно такое происхождение, ср. *вуйид* / *вуду* / *вуйидж* и пр. ‘дал’; показатель субстантивации вариативен, поскольку зависит от именного класса (выше даны формы соответственно мужского, женского и среднего рода ед.ч.). Финитное и нефинитное употребление различаются просодически: как в других независимых формах глагола, в аористе ударение начальное, а в причастии – конечное [92].

Финитная форма, совпадающая с субстантивированным перфективным причастием, имеется и в удинском языке, однако если в крызском это одна из основных форм прошедшего времени, то в удинском это довольно периферийная разновидность перфекта. Этот «второй перфект» имеет суффикс *-ийо* (где *-и* это показатель причастия / деепричастия, а *-о*/*-йо* – показатель субстантивации номинатива ед.ч.), ср. *гьарийо* ‘пришел’ (= ‘тот, кто пришел’), *аьшпIийо* ‘поработал’ (= ‘тот, кто поработал’) и пр. [93]. Семантика данной формы в финитном употреблении изучена недостаточно, однако в целом она взаимозаменима с основным перфектом на *-е* (см. раздел 4), хотя отличается большей прагматической нагрузкой и предпочтительна при передаче ненейтральной эмоциональной окраски сообщения со стороны говорящего.

Как мы видим, формы, демонстрирующие финитный / нефинитный синкретизм, достаточно разнородны по значению и месту в системе индикатива, поэтому какие-либо обобщения на рассмотренном материале сделать сложно. Тем не менее, можно предполагать, что именно данная группа форм может относиться к наиболее старым, грамматикализованным ранее других. На это, с одной стороны, указывает само их морфологическое устройство: они наиболее просты и не включают дополнительных элементов, а если в каких-то языках (например, арчинском или лезгинском) в состав формы и входила связка, достаточно долгий путь развития привел к ее утрате. С другой стороны, на почтенный возраст форм данной группы могут указывать их значения – аорист либо заглазное прошедшее, – которые на известных цепочках семантических переходов соответствуют поздним этапам семантической эволюции.

Еще раз обратим внимание, что диахроническая связь таких форм с первой моделью («деепричастие + связка», с последующей утратой связки) не является единственно возможной и не может предполагаться в обязательном порядке для всех перечисленных языков. Речь вполне может идти и о развитии финитного употребления деепричастия или причастия в результате синтаксической реинтерптетации: в таком случае имел место достаточно распространенный в языках мира процесс осмысления зависимой клаузы как независимой, известный как «десубординация» (*insubordination*), т.е. утрата зависимого, подчиненного статуса [94].

Хотя формы, восходящие к данной модели, по определению не могут быть отнесены к плану настоящего в строгом смысле (в их составе отсутствует вспомогательный глагол настоящего времени), для некоторых из них существуют эквиваленты в плане прошлого. Так, лезгинская форма на *-на* или удинская на *-ийо* имеют регулярные «ретроспективные» соответствия с временной референцией, сдвинутой по оси времени дальше назад. Лезгинская форма типа *фена-й* ‘пошел, ходил’ согласно описанию М. Хаспельмата выражает значения удаленного или прекращенного прошедшего (ситуация более не имеет места либо ее результат был аннулирован) [95]; удинская форма типа *гьарийо-й* ‘пришел, приходил’ имеет значение плюсквамперфекта, однако чрезвычайно редка. С другой стороны, например, крызский аорист типа *вуйидж* ‘дал’ подобного «ретроспективного» аналога не имеет, являясь единственной формой индикатива, которая не сочетается с показателем прошедшего времени *-ни*, переводящего ситуацию в план прошлого или ирреалиса [96].

Глагольные формы, совпадающие с причастием либо деепричастием перфектива, отмечаются и в ряде других нахско-дагестанских языков. Так, хиналугский аорист типа *чекIуи* ‘продал’, *ахи* ‘поднялся’, выступает как в функции финитной формы, так и в роли причастия и деепричастия [97]. В лакском языке причастия на *-сса* играют большую роль в финитной глагольной парадигме; в частности, от них образуются (при помощи предикативных лично-числовых показателей) «категоричные» перфектные формы типа *увкIссар* ‘пришел (3-е л. ед.ч.)’, имеющие значение «прошедшего исторического или умозаключения» либо подчеркивающие «категоричность утверждения, окончательность результата» [98].

6. Выводы

Итак, мы рассмотрели три аналитические модели, лежащие в основе значительного числа форм прошедшего времени перфектива в лезгинских языках, а также формы, сходные с аналитическими в том, что они включают деепричастие или причастие совершенного вида, однако без вспомогательного глагола. В общей сложности было рассмотрено более 20 форм (см. Приложение), хотя для нескольких из них отнесение к той или иной модели гипотетично.

Конечно, перечисленные модели не охватывают всех без исключения перфективных форм прошедшего времени в языках лезгинской группы; какие-то из них имеют другое происхождение или же их этимология остается неясной. Тем не менее, рассмотренные модели представляют интерес как с точки зрения общей типологии видовременных систем, так и при обсуждении вопроса о том, возможна ли реконструкция пралезгинской глагольной системы, и если да, то как эта система могла выглядеть.

Дело в том, что все наиболее распространенные модели лезгинских перфективных форм достаточно просты: в их основе лежат деепричастия либо причастия совершенного вида (а иногда обе эти функции совмещает одна и та же форма), чаще всего, хотя и не всегда, с вспомогательным глаголом-связкой либо бытийным глаголом ‘находиться’. Лезгинские языки проявляют сходство в наличии самих этих моделей, т.е. собственно абстрактных структур типа «деепричастие совершенного вида + связка», – при том, что конкретное материальное наполнение этих структур может различаться, т.е. морфологические показатели (например, деепричастий) не обязательно этимологически родственны.

Это означает, что вопрос о том, следует ли считать модели унаследованными из праязыка, остается открытым. Подобные структуры не специфичны именно для лезгинской группы и встречаются как за ее пределами в рамках нахско-дагестанской семьи, так и в других языках мира. Поэтому возведение рассмотренных моделей к общелезгинскому уровню, по крайней мере, не является необходимостью: общность моделей может отражать и просто когнитивные и типологические закономерности в образовании грамматических форм. Наличие сходных грамматических моделей может быть связано и с родством языков на менее глубоком уровне (скажем, не всей группы, а подгрупп в рамках лезгинской ветви), или же с ареальными взаимодействиями родственных и неродственных языков юга Дагестана и севера Азербайджана.

Приложение: список рассмотренных форм

В таблице приведены все упоминавшиеся выше формы лезгинских языков с указанием общего семантического ярлыка, примером словоформы с переводом, а также указанием структуры. Знак звездочки (*) означает, что структура реконструирована, поскольку синхронно форма сильно морфологизована; знак вопроса (?) означает, что структура или семантика указаны предположительно.

Язык	Название формы	Пример формы	Структура
агульский	аорист	*ади-не* ‘пришел’	< деепричастие СВ + связка
агульский	перфект / результатив	*ади-ная* ‘пришел’	< деепричастие СВ + ‘находиться’
агульский	экспериентив	*адиф-е* ‘приходил’	< причастие СВ + связка
арчинский	результатив	*абху-ли би* ‘лежит’	< деепричастие СВ + связка
арчинский	заглазный претерит	*абху-ли* ‘лег’	= деепричастие СВ, < *деепричастие СВ + связка (?)
будухский	перфект	*сиъири-ви* ‘сделал’	< причастие СВ + связка
крызский	аорист	*вуйидж* ‘дал’	= субст. причастие СВ
крызский	перфект	*йихь-джа* ‘пошел’	< *деепричастие СВ + связка
крызский	результатив	*гъайцIаджи-я* ‘разлит’	< деепричастие СВ + связка
лезгинский	аорист	*фе-на* ‘пришел’	= деепричастие СВ, < *деепричастие СВ + связка (?)
лезгинский	перфект / результатив	*фе-нва* ‘пришел’	< деепричастие СВ + ‘находиться’
лезгинский	претерит (архаич.)	*фе-я* ‘пришел’	< *причастие СВ + связка (?)
рутульский	аорист	*йиркьыр(и)* ‘пришел’	< деепричастие СВ (+ связка)
рутульский	перфект / результатив	*луркур ъа* ‘лежит’	< деепричастие СВ + ‘находиться’
рутульский	экспериентив (?)	*кихьид йиъи* ‘написал’	< причастие СВ + связка
табасаранский	аорист	*гъапI-ну* ‘сделал’	= деепричастие СВ, < деепричастие СВ + связка
табасаранский	перфект / результатив	*дапI-на* ‘сделал’	< деепричастие СВ + ‘находиться’
удинский	аорист	*гьар-и* ‘пришел’	= причастие / деепричастие СВ
удинский	перфект 1	*гьар-е* ‘пришел’	< *причастие СВ + связка (?)
удинский	перфект 2	*гьар-ийо* ‘пришел’	= субст. причастие СВ
цахурский	аорист	*хъары* ‘пришел’	= деепричастие СВ
цахурский	аорист (атриб.)	*хъары-на* ‘пришел’	= причастие СВ
цахурский	перфект	*хъары-вор* ‘пришел’	< деепричастие СВ + связка

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев М.Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985. С. 23.

2. *Алексеев М.Е.* Лезгинские языки // Языки мира: Кавказские языки / отв. ред. М.Е. Алексеев. М.: Academia, 1999. С. 369–370.

3. *Коряков Ю.Б.* Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.

4. *Касьян А.* К формальной генеалогической классификации лезгинских языков (Северный Кавказ) // Вопросы языкового родства. 2014. № 11.

5. *Майсак Т.А.* Видо-временные системы лезгинских языков. 1. Формы от инфинитива // Кавказский лингвистический сборник / ред. М.Е. Алексеев. М., 2007. Вып. 19.

6. *Майсак Т.А.* Видо-временные системы лезгинских языков. 2. Формы на основе локативной модели // Кавказский лингвистический сборник / ред. М.Е. Алексеев. М., 2010. Вып. 20.

7. *Maisak T.* The Present and the Future within the Lezgic tense and aspect systems // Authier G., Maisak T. (eds.). Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages. Bochum: Brockmeyer, 2011.

8. *Алексеев М.Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики... С. 75–89.

9. *Майсак Т.А.* Видо-временные системы лезгинских языков. 1...

10. *Майсак Т.А.* Видо-временные системы лезгинских языков. 2...

11. *Maisak T.* Op. cit.

12. *Ибрагимов Г.Х.* Цахурский язык. М.: Наука, 1990. С. 129.

13. *Кибрик А.Е., Тестелец Я.Г.* (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 86.

14. *Магометов А.А.* Агульский язык. Тбилиси, 1970. С. 131–132.

15. *Сулейманов Н.Д.* Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. С. 144.

16. *Тарланов З.К.* Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994. С. 118–119.

17. *Тарланов З.К.* Проблемы общей грамматики и грамматика агульского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. С. 174–175.

18. *Исрафилов Н.Р.* Фитинский говор агульского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. С. 84.

19. *Мерданова С.Р.* Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора). М., 2004. С. 85–87.

20. *Майсак Т.А.* Причастные формы в видо-временной системе агульского языка // Исследования по теории грамматики / ред. В.А. Плунгян. Вып. VI: Типология аспектуальных систем и категорий [Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2.] СПб.: Наука, 2012. С. 265–268.

21. *Алексеев М.Е.* К реконструкции общелезгинского форманта деепричастия предшествования (прошедшего времени) *-*на* // Отглагольные образования в иберийско-кавказских языках: Материалы XII региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков (21–23 сентября 1988 г.) / отв. ред. Р.Х. Темирова. Черкесск: КЧНИИИФЭ, 1989. С. 125.

22. *Шихалиева С.Х.* Грамматические категории глагола табасаранского языка. Махачкала: Юпитер, 2004. С. 50–51.

23. *Магометов А.А.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1965. С. 255.

24. *Махмудова С.М.* Система прошедших времен рутульского языка // Абдуллаев З.Г. (отв. ред.) Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991.

25. *Махмудова С.М.* Морфология рутульского языка. М., 2001. С. 128.

26. *Алексеев М.Е.* Рутульский язык // Алексеев М.Е. (отв. ред.). Языки мира: Кавказские языки. М.: Academia, 1999. С. 415.

27. *Alekseev M.E.* Rutul // Smeets R. (ed.) The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4. Part 2. Delmar, NY: Caravan books, 1994. P. 231.

28. *Алексеев М.Е.* Рутульский язык... С. 417.

29. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 387–394.

30. *Кибрик А.Е.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2: Таксономическая грамматика. М.: МГУ, 1977. С. 195.

31. *Ибрагимов Г.Х.* Указ. соч. С. 130–131.

32. *Кибрик А.Е., Тестелец Я.Г.* (ред.). Указ. соч. С. 86–88.

33. *Authier G.* Éléments de grammaire Kryz (dialecte d'Alik, langue caucasique d'Azerbaïdjan). Paris: Peeters, 2009. P. 141–142.

34. *Authier G.* Op. cit. P. 167–168.

35. *Alekseev M.E.* Budukh // Smeets R. (ed.) The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4. Part 2. Delmar, NY: Caravan books, 1994. P. 278.

36. *Талибов Б.Б.* Будухский язык. М.: Academia, 2007. С. 219–220.

37. *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 81–87.

38. *Плунгян В.А.* Указ. соч. С. 391–393.

39. *Кибрик А.Е.* Указ. соч. С. 196.

40. *Майсак Т.А.* Причастные формы... С. 269.

41. *Мерданова С.Р.* Указ. соч. С. 88.

42. *Babaliyeva A.* Études sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire. Thèse de doctorat. Paris: École Pratique des Hautes Études, 2013. P. 188.

43. *Муталов Р.О.* Глагол даргинского языка. Махачкала: ДГУ, 2002. С. 97–98.

44. *Алексеев М.Е. Атаев Б.М.* Аварский язык. М.: Academia, 1997. С. 58.

45. *Алексеев М.Е., Атаев Б.М., Магомедов М.А., Магомедов М.И., Мадиева Г.И., Саидова П.А., Самедов Дж.С.* Современный аварский язык. Махачкала: АЛЕФ, 2012. С. 214.

46. *Маллаева З.М.* Глагол аварского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007. С. 196–206.

47. *Барахоева Н.М.* Грамматические формы и категории глагола: на материале нахских языков. Нальчик: Тетраграф, 2011. С. 23, 213–216.

48. *Nichols J.* Ingush grammar. Berkeley: University of California Press, 2011. P. 254–256.

49. *Haspelmath M.* A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 143–144.

50. *Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б.* Современный лезгинский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. С. 193–194.

51. *Магометов А.А.* Табасаранский язык... С. 261–262.

52. *Babaliyeva A.* Op. cit. P. 189–190.

53. *Махмудова С.М.* Система прошедших времен... С. 146.

54. *Махмудова С.М.* Морфология рутульского языка... С. 128.

55. *Мерданова С.Р.* Указ. соч. С. 88–91.

56. *Майсак Т.А.* Причастные формы... С. 262–263.

57. *Тарланов З.К.* Агулы... С. 121.

58. *Bybee J.* et al. Op. cit. P. 95–97.

59. *Tatevosov S.G.* From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages // Journal of Pragmatics. 2001. No. 33.

60. *Плунгян В.А.* Указ. соч. С. 391–393.

61. *Магометов А.А.* Табасаранский язык... С. 262.

62. *Haspelmath M.* Op. cit. P. 145.

63. *Керимов К.Р.* Глагол хиналугского языка: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1985. С. 125–128.

64. Там же. С. 117–118.

65. Там же. С. 130–132.

66. *Майсак Т.А.* Причастные формы...

67. *Мерданова С.Р.* Указ. соч. С. 95.

68. *Вострикова Н.В.* Экспериентивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 29–30.

69. *Вострикова Н.В.* Типология средств выражения экспериентивного значения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 79–83.

70. *Махмудова С.М.* Система прошедших времен... С. 145.

71. *Махмудова С.М.* Морфология рутульского языка... С. 128.

72. *Махмудова С.М.* Система прошедших времен... С. 145.

73. *Махмудова С.М.* Морфология рутульского языка... С. 128.

74. *Haspelmath M.* Op. cit. P. 158–159.

75. *Гайдаров Р.И.* и др. Указ. соч. С. 192–193

76. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896. С. 121.

77. *Alekseev M.E.* Budukh... P. 278–279.

78. *Майсак Т.А.* Перфект и Аорист в ниджском диалекте удинского языка // Исследования по теории грамматики / отв. ред.: В.А. Плунгян. Вып. VII: Типология перфекта (в печати).

79. *Berg H.E. van den*. Dargi folktales: Oral stories from the Caucasus and an introduction to Dargi grammar. Leiden: Research School of Asian African and Amerindian Studies, 2001. P. 44.

80. *Муталов Р.О.* Указ. соч. С. 100–101.

81. *Сумбатова Н.Р.* Типологическое и диахроническое исследование морфосинтаксиса (на примере языков даргинской группы): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2013. С. 192.

82. *Калинина Е.Ю.* Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: Наследие, 2001.

83. *Haspelmath M.* Op. cit. P. 144, 377.

84. *Алексеев М.Е.* К реконструкции общелезгинского форманта... С. 125.

85. *Ландер Ю.А.* Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / отв. ред.: М.Е.Алексеев, Т.А. Майсак. М.: Academia, 2008.

86. *Майсак Т.А.* Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Ред. колл.: М. Е. Алексеев (отв. ред.), Т. А. Майсак (отв. ред.), Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер. М.: Academia, 2008.

87. *Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. (eds).* The Caucasian Albanian palimpsests of Mt. Sinai. Vol. 1. Turnhout: Brepols, 2009. P. II-47.

88. *Микаилов К.Ш.* Арчинский язык: грамматический очерк с текстами и словарями. Махачкала, 1967. С. 123–124.

89. *Кибрик А.Е.* Указ. соч. С. 86–88, 228–231.

90. *Tatevosov S.G.* Op. cit. P. 456–459.

91. *Кибрик А.Е., Тестелец Я.Г.* (ред.). Указ. соч. С. 209–213, 407–417.

92. *Authier G.* Op. cit. P. 141.

93. *Майсак Т.А.* Глагольная парадигма удинского языка... С. 114.

94. *Evans N.* Insubordination and its uses // Nikolaeva I. (ed.). Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007.

95. *Haspelmath M.* Op. cit. P. 143.

96. *Authier G.* Op. cit. P. 141.

97. *Керимов К.Р.* Указ. соч. С. 120–122.

98. *Эльдарова Р.Г.* Лакский глагол (Система глагольного словоизменения). Махачкала, 2000. С. 41.